

М. Горький. Фома Гордеев

Антону Павловичу Чехову

I.

Лет шестьдесят тому назад, когда на Волге со сказочной быстротой создавались миллионные состояния, -- на одной из барж богача купца Заева служил водоливом Игнат Гордеев.

Сильный, красивый и неглупый, он был одним из тех людей, которым всегда и во всем сопутствует удача -- не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорее потому, что, обладая огромным запасом энергии, они по пути к своим целям не умеют -- даже не могут -- задумываться над выбором средств и не знают иного закона, кроме своего желания. Иногда они со страхом говорят о своей совести, порою искренно мучаются в борьбе с ней, -- но совесть непобедима лишь для слабых духом; сильные же, быстро овладевая ею, поработают ее своим целям. Они приносят ей в жертву несколько бессонных ночей; а если случится, что она одолеет их души, то они, побежденные ею, никогда не бывают разбиты и так же сильно живут под ее началом, как жили и без нее...

В сорок лет от роду Игнат Гордеев сам был собственником трех пароходов и десятка барж. На Волге его уважали, как богача и умного человека, но дали ему прозвище -- Шалый, ибо жизнь его не текла ровно, по прямому руслу, как у других людей, ему подобных, а то и дело, мятежно вскипая, бросалась вон из колеи, в стороны от наживы, главной цели существования. Было как бы трое Гордеевых -- в теле Игната жили три души. Одна из них, самая мощная, была только жадна, и, когда Игнат подчинялся ее велениям, -- он был просто человек, охваченный неукротимой страстью к работе. Эта страсть горела в нем дни и ночи, он всецело поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, казалось, никогда не мог насытиться шелестом и звоном денег. Он метался по Волге вверх и вниз, укрепляя и разбрасывая сети, которыми ловил золото: скупал по деревням хлеб, возил его в Рыбинск на своих баржах; обманывал, иногда не замечал этого, порою -- замечал, торжествуя, открыто смеялся над обманутыми и, в безумии жадности денег, возвышался до поэзии. Но, отдавая так много силы этой погоне за рублем, он не был жаден в узком смысле понятия и даже, иногда, обнаруживал искреннее равнодушие к своему имуществу.

Однажды, во время ледохода на Волге, он стоял на берегу и, видя, как лед ломает его новую тридцатипятисаженную баржу, притиснув ее к обрывистому берегу, приговаривал сквозь зубы:

-- Так ее!.. Ну-ка еще... жми-дави!.. Ну, еще разок!..

-- Что, Игнат, -- спросил его кум Маякин, -- выжимает лед-то у тебя из мошны тысяч десять, этак?

-- Ничего! Еще сто наживем!.. Ты гляди, как работает Волга-то! Здорово? Она, матушка, всю землю может разворотить, как творог ножом, -- гляди! Вот те и "Боярыня" моя! Всего одну воду поплавала... Ну, справим, что ли, поминки ей?

Баржу раздавило. Игнат с кумом, сидя в трактире на берегу, пили водку и смотрели в окно, как вместе со льдом по реке неслись обломки "Боярыни".

-- Жалко посуду-то, Игнат? -- спросил Маякин.

-- Ну, чего ж жалеть? Волга дала, Волга и взяла... Чай, не руки мне оторвало...

-- Все-таки...

-- Что -- все-таки? Ладно, хоть сам видел, как все делалось, -- вперед -- наука! А вот, когда у меня "Волгарь" горел, -- жалко, не видал я. Чай, какая красота, когда на воде, темной ночью, этаким кострище пылает, а? Большущий пароходина был...

-- Будто тоже не пожалел?

-- Пароход? Пароход -- жалко было, точно... Ну, да ведь это глупость одна -- жалость! Какой толк? Плачь, пожалуй: слезы пожара не потушат. Пускай их -- пароходы горят. И -- хоть все стори -- плевать! Горела бы душа к работе... так ли?

-- Н-да, -- сказал Маякин, усмехаясь. -- Это ты крепкие слова говоришь... И кто так говорит -- его хоть догола раздень, он все богат будет...